

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВ

Карандашом зрачка

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 882
ББК 84(2Рос-2Рус)6
Ф53

Составители Кирилл Козырев, Борис Останин

Филиппов В.

Ф53 Карандашом зрачка / Василий Филиппов. — М.;
СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира»,
2020. — 255 с. — (Серия «Часть речи»).

ISBN 978-5-517-01782-6

В книгу вошли избранные стихотворения 1984–1990-х годов,
а также фрагменты прозы поэта 1970–1980-х годов.

УДК 882
ББК 84(2Рос-2Рус)6

© Филиппов В. А., наследники, 2020
© Козырев К. А., составление, 2020
© Останин Б. В., составление, 2020
© Шейнкер М. Я., предисловие, 2020
© Кривулин В. Б., наследники,
предисловие, 2020
© Оформление.
Т8 Издательские Технологии, 2020

ISBN 978-5-517-01782-6

Несколько слов о Василии Филиппове

Василий Филиппов стал поэтом в условиях и обстоятельствах, которые куда более располагают к уничтожению всякой творческой энергии, чем к ее выявлению. Он написал свои первые стихи после почти пятилетнего пребывания в психиатрической больнице, куда был заключен по причине тяжелейшего психического срыва, едва не окончившегося страшным преступлением.

Это случилось в 1980 году, когда Филиппову было двадцать пять лет, и с тех пор он всего несколько раз оказывался на свободе, а с 1993 года находится в психбольнице непрерывно и безвыходно. В 1983 году трагически погибла его мать. В 1984 году Филиппов начал писать стихи, а в 70-е годы писал маленькие рассказы, которые можно было бы назвать сюрреалистическими, если бы их странность и колеблющийся смысл хоть сколько-нибудь были похожи на формальный прием.

Его жизнь до больницы проходила в непрерывном сопротивлении «нормальному» укладу и пути, к которому призывали его близкие. Причиной этого сопротивления было необычайно сильное интеллектуальное и творческое возбуждение, проявлявшееся в нем как-то скрыто и, может быть, мучительно для него самого. В ранней юности Филиппов был любимым учеником Д. Я. Дара, руководившего знаменитым ленинградским литобъединением. Он поступил на

биофак Ленинградского университета, но вскоре оставил его — ради того, чем был по-настоящему увлечен: литературы, философии, богословия. Через Виктора Кривулина он сблизился с кругом наиболее талантливых, а потому лишенных всякой надежды на официальное признание петербургских поэтов, стал их постоянным и редкостно внимательным слушателем. Имена этих поэтов нет смысла перечислять — они постоянно звучат в стихах Филиппова. Он выглядел в этом кругу совсем юным, беззащитным и безответным — его не обижали, но и не церемонились с ним.

Предпочтя душному, но безобидному миру семьи и обыденности продутый всеми сквозняками мир поэтических страстей, Василий Филиппов сделал свой трагический выбор, приведший его к личному несчастью, но и к самоосуществлению. Был ли этот путь выявления таланта единственным, судить не нам, но в том, что психический срыв и все последовавшее — результат сильнейшей творческой лихорадки, сомневаться не приходится.

Свойства Филиппова-поэта, делающие его столь необычным и ни на кого не похожим, как ни странно, поддаются вполне отчетливому и краткому описанию.

Во-первых, это мощь его созерцательной энергии и ее амплитуда: от счастливо безмятежной до грозно агрессивной.

Во-вторых, физиологически естественное, без всякого намека на подражательность и мимирию, отношение к чужому как к своему. Отношение, оправданное способностью проникновения не в текст даже, а в предтекст, умение подключиться к тем глубинным вибрациям, которые порождают чужую, но важную для него, а следовательно, общую в его понимании поэтическую речь, которая становится его питательной средой.

На этой протопоэтической интуиции основана абсолютная непринужденность и непосредственность поэтической речи Филиппова, данная немногим и свидетельствующая о бессознательном проникновении в тайные законы стиха.

Всего лишь один пример достаточно привести для того, чтобы показать, как проявляется такого рода знание.

Лидия Яковлевна Гинзбург, которая еще в 1985 году прочла стихи Василия Филиппова, написала о них: «Это поэзия внезапных и сложных ассоциаций, то срабатывающих, то иногда срывающихся, когда ускользает их смысловая опора».

С мнением замечательного исследователя и ценителя поэзии трудно не согласиться. Скажем, в финале стихотворения «Поэты» Филиппов пишет:

В 44 году войска переправляются Вислу.
Тогда родилась Елена Шварц,
Чтобы стать поэтом на века.

«Смысловая опора» этой ассоциации и вправду ускользает под нажимом деформированной грамматики и того факта, что Елена Шварц родилась несколькими годами позже. Но достаточно вспомнить, что в одном из самых замечательных ее ранних стихотворений «Плавание», где речь идет о переправе через реку мертвых, есть строка: «Если Висла — залив, то по ней мы, наверно, и плыли...». И формальные нарушения оборачиваются целым кустом новых смыслов, вырастающим из кажущейся оговорки.

Теперь самое время сказать и о том, каким образом стихи Филиппова попали к Л. Я. Гинзбург. Их прислала ей Ася Львовна Майзель, уже двадцать с лишним лет самоотверженно и преданно поддерживающая Василия в его горестной судьбе, собирающая и хранящая его стихи, пишущая о нем, а в 2000 году своими стараниями выпустившая небольшим тиражом наиболее обширный сборник его стихов. Предшествующий сборник в 1998 году был издан трудами другого близкого и бесконечно преданного Филиппову человека — Марианны Петровны Соболевой.

Именно они и, конечно, члены семьи Василия все эти годы насколько возможно скрашивали его существование

и помогали ему выжить. Большое участие в нем принимают и его друзья-поэты, но самый давний и близкий — Виктор Кривулин — уже не узнал о присуждении Филиппову премии Андрея Белого, первым лауреатом которой в 1978 году был он сам.

Эта премия, врученная теперь, на новом витке ее существования, Василию Филиппову, как никакая другая отвечает всей природе и характеру его поэзии и судьбы.

Награда, врученная достойному, возвышает тем самым и свою ценность.

Михаил Шейнкер

Коллективное бессознательное второй культуры

Воспитанник Дара, поступивший на биофак, но после первого курса оставивший университет ради занятий литературой, Вася Филиппов, юноша красоты необыкновенной, ангелической, поначалу писал прозу — короткие и очень странные рассказы. С 1973 года он постоянно, хотя и незаметно, как бы тенью, присутствует на поэтических чтениях Шварц, Охупкина, Миронова, Стратановского, Шельваха. Впоследствии все они станут персонажами его стихов. Его любят, но не принимают всерьез. Первые публичные выступления Филиппова — регулярные доклады на религиозно-философском семинаре в 1976 году, первые публикации — богословские штудии в журнале «37». В конце 70-х — внезапный и немотивированный психический срыв. С той поры он практически не покидает психиатрических больниц. Почти все, что написано им в стихах, создано или в психушках или в краткие (не больше двух-трех месяцев) периоды жизни на воле. Корпус его текстов огромен. Большая часть хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома, меньшая — у друзей. Настоящая книга составлена по текстам, хранящимся у Аси Львовны Майзель.

При записи Василий Филиппов не разграничивает своих текстов — они идут сплошным потоком, словно бы он всю жизнь пишет одну книгу на едином дыхании, продуцирует одно-единственное высказывание, без пауз и пробелов. Стихи Филиппова — запись неумолкающей внутренней речи. Сам он текстов своих вслух не читал. Просто приносил их и терпеливо ждал, пока прочтут другие. Молча. Его «неозвученность» жила вперекор моде на звучащее слово,

оставляя за скобками имитацию псалмопевческого исполнения, присущую большинству питерских поэтов этого поколения. Принципиальная беззвучность поэтической речи Филиппова — следствие достигнутой им внутренней свободы. Свободы до такой степени, что нормальный человек просто не вынес бы ее, ибо невозможно жить на грани самоуничтожения и предельного самовыражения.

Я не знаю более чистых стихов в русской поэзии, более беззащитных и лишенных какой бы то ни было условности. По сути дела — перед нами первые настоящие русские верлибры, поскольку свободный стих здесь — понятие не столько формальное, сколько содержательное. Словесное безволие и аморфность, эти родовые пороки российского свободного стиха, формально присутствующие у Филиппова, неузнаваемо трансформируются в его поэтике, преобразаясь в мощный диктат некой надличностной творческой воли и текучую стройность организмического образования.

Организмичность его текстов — это вовсе не хаос, как может показаться на первый взгляд. Это очень сложная система с принципиально невычленимой внутренней конструкцией. Попытка вычленить ее равнозначна убийству неуловимого смысла. Но при этом тексты Филиппова в высшей степени осмысленны. Подлинные их смыслы не навязываются, но нащупываются, и тактильное дрожание слова под пальцами читателя-слепца создает художественный эффект, равного которому я не знаю в современной поэзии.

У Филиппова много цитат, в основном это эхо петербургской поэзии 70–80-х годов, ничего общего с новейшей постмодерной техникой иронического «центона». Чужая речь в этих стихах — свидетельство любви, а не иронии и стеба. Поэт не издевается и не подражает. Он присваивает «чужое» по праву теневого участника процесса. Тень эта со временем, по мере того, как истончается плоть и устают душа, становится все более и более лучезарной.

Виктор Кривулин